

Кубанский писатель

Поэзия есть высший род искусства.

Виссарион Григорьевич Белинский

№ 2 (93)

февраль
2015 года

12+

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

СОБЫТИЕ

Кубань отметила 90-летие Ивана Вараввы, поэта-фронтовика, драматурга, собирателя фольклора, переводчика, Героя Труда Кубани, почетного гражданина города Краснодара,

лауреата литературных премий, Народного поэта Адыгеи. Выставки, поэтические часы и праздничные программы в честь юбилея легендарного поэта прошли во всех библиотеках краевого центра, Литературном музее, в городах и станицах края. Во Всекубанском поэтическом флешмобе «Всем краем Варавву читаем» приняли участие студенты кубанских вузов. Юноши и девушки с книгой в руках вслух читали свои любимые стихотворения кубанского кобзаря.

Кульминацией торжеств стали пятые по счету Вараввинские чтения «А молодость моя в продыmlенной шинели...», традиционно проводимые Краснодарской краевой юношеской библиотекой имени И.Ф. Вараввы при поддержке Министерства

культуры Краснодарского края. В концертном зале Кубанского казачьего хора прошёл литературный вечер, перед началом которого в фойе была развернута интерактивная книжно-иллюстративная и фотовыставка «Я жизнь свою сложил, как песню...», звучали песни на стихи поэта, работали свободный микрофон и литературный видеозал, где демонстрировались отрывки из кинофильмов о юбиларе. На мероприятии состоялась торжественная церемония гашения художественного литературного конверта, на котором изображен портрет поэта и обозначены годы его жизни. В спецгашении приняли участие заместитель министра культуры Краснодарского края Роман Семихатский, заместитель директора филиала ФГУП «По-

шта России» в Краснодарском крае Александр Меленчук, художественный руководитель Кубанского казачьего хора Виктор Захарченко.

В Чтениях приняли участие известные писатели, поэты, литературоведы, представители министерств и ведомств Краснодарского края, кубанского казачества, артисты, родственники, друзья Ивана Вараввы, специалисты и молодые читатели библиотек края – любители словесности из всех уголков Кубани, кому близко и дорого поэтическое наследие кубанского кобзаря. Прошло награждение победителей и лауреатов творческих конкурсов, приуроченных к юбилею поэта-фронтовика и проводившихся среди юных читателей и библиотекарей по всей Кубани.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЗА ЛУЧШУЮ ПОЭМУ О РУССКОМ СОЛДАТЕ

Подведены итоги Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!», посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Этот патриотический конкурс проводился под эгидой Вооруженных Сил Российской Федерации. Диплом за лучшую поэму о русском солдате присуждён нашему земляку, члену Союза писателей России, поэту Владимиру Архипову. Поэму «Лебединая верность» автор посвятил простому воину Великой Отечественной Василию Николаевичу Архипову, уроженцу Вятской земли, погибшему осенью 1942 года на Кубани и похороненному в братской могиле на берегу Черного моря...

В Москве, в актовом зале Союза писателей России состоялась церемония вручения премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Премия учреждена Союзом писателей России, вручается ежегодно в нескольких номинациях. Лауреатом премии в номинации «Изобразительное искусство» стал краснодарский художник-монументалист Валентин Фёдорович Папко за вклад в русскую культуру. Церемония вручения проходила в торжественной обстановке. Среди лауреатов премии композитор **Александра Пахмутова**, актёр **Николай Губенко**, известный общественный деятель, лидер движения «Новороссия» Игорь Стрелков, ряд ведущих поэтов и прозаиков страны.

БЕССМЕРТИЕ СУДЬБЫ

Человеческая память – несовершенный инструмент, но то, что касается понятий глубинных, духовных, коренных, – не забывается. Человек уходит лишь физически, но остаётся, воплотившись делами и мыслями в реальную жизнь современников и потомков.

Читая стихи поэта Ивана Фёдоровича Вараввы, видишь его – в разные периоды жизни, неизменно активного, страстного в своих высказываниях, реакциях на происходящее. Он сам рассказывает «о времени и о себе» тому, кто погружается в его стихи. В предисловии к своей большой книге «Пожары Отечества» Варавва признаётся, что его «призвала в поэзию судьба» (призвала, как солдата зовёт страна в минуту опасности).

Обычного, часто неискушённого в литературных теориях читателя привлекает к поэту сердечность, простота его стихов, созвучность жизненных желаний и целей. А если игра со словом, так непременно узнаваемая, близкая к основам твоего языка. С развитием общества, с большим процентом включения в наш язык профессионализмов, мы незаметно многое теряем, обедняем привычный лексический состав, а с ним – и семантическое богатство. Привыкаем не к образности, а только к информативности написанного материала. Ярчайшим примером оскудения языка являются в подавляющем большинстве примитивные тексты современных эстрадных песен.

Но словарь поэта Вараввы настолько ярок и разнообразен, что погружает читателя в живую и гибкую языковую среду. Нам понятны и близки многие употребляемые поэтом слова и выражения, так как они составляют особенность южнорусского языка на Кубани. В нём более двухсот лет назад русское слово переплелось с запорожской казачьей речью. Метафорический язык поэта Вараввы – это его неповторимый почерк, к которому нет и не может быть словарей. Понимание происходит от радостной догадки читающего – тогда распахиваются горизонты времён, вспыхивают искры прозрения.

Иван Варавва часто изобретает неологизмы. Например, в стихотворении «Амазонки в степи» – о давно исчезнувших древних женщи-

нах-воительницах – говорится, что они «ушли в небозём на коне», то есть в небесную землю, в вечность. В стихотворении «Афанасий Никитин» рассказывается об отважном русском путешественнике XV века, «махнувшем за три моря», который мысленно завещает свою страсть к познанию нового «по наследству... многознавцам – потомкам своим». Не случайно поэт придумал это замечательное слово: он тоже надеется на умных своих потомков, на тех, кому дальше открывать горизонты жизни.

Образная яркость стихотворных произведений поэта останавливает внимание читателя, не убавляет сознание гладкостью прямого словесного смысла. Вдруг читаешь: «громовая блискавица» – и понимаешь: молния! «Отбаярилась гроза» – то есть уgomонилась небесная барыня! Или вот в описании военных событий: «пагубномётная строка» – конечно, неологизм, представивший несущую смерть пулемётную очередь.

Варавва часто обращается к словам, ушедшим из современного обращения. Например: «Кормилися стрАвой грибною» – по контексту понятно, что это еда, вернее – похлёбка у древних славян. «Забурунилась в кАрчах вода» – опасный водоворот под затопленной большой корягой. Все эти маленькие «трудности» развивают воображение, украшают описание, пополняют личный словарный запас читателя.

Поэт оживляет природу, создаёт яркие, зримые пластичные картины: подбитый танк «нюхает... стволом ранние кубанские фиалки». А река держит «тяжёлые струи в вожжах водопада». Снежная метель представлена целой картиной:

Вьюжные кони грызут удила,
Мечтой берёзы белолицей,
С душою, полною чудес...
Поговори дыханьем трав,
Грибных полян благоуханьем.
Шуршаньем вскинутых дубрав...
(«Поговори со мною, лес»)

Долю своего таланта Варавва отдал ещё одной сфере поэтического труда – переводу произведений из других литератур. Перевод-

дил с болгарского, украинского, бурятского, башкирского, адыгейского. Он писал: «Свободно владею русским и украинскими языками, а болгарским и сербским – со словарём... Я прихожу к выводу, что словарный арсенал «Слова о полку Игореве» складывается из лексического строя четырёх самобытных славянских народов». Он изучал историю расселения на земле славянских народов, приходил к выводу о родственности языков. Увлёкся болгарским фольклором. В переложении с болгарского он создал циклы фольклорных стихов «Софийское поле» и «Гайдучьи тропы». Долгая боль болгарского народа, пять веков страданий под турецким игмом, и борьба с захватчиками находили отклик в сердце кубанского поэта.

Конец XX века принёс Варавве много горьких разочарований и печальных дум. Он написал когда-то по другому поводу строчку: «Я суровую скорбь через годы времён пронесу», но смысл её определил настроение Вараввы в его последние десятилетия. Он хотел осмыслить происходящее, искал в недавнем прошлом ответы.

Особенно волновали Варавву факты недружественных отношений с теми странами, которые были нам исторически близки. Глубоко тревожил славянский вопрос.

В мировой политике этот вопрос поднялся не впервые. В начале 30-х годов XIX столетия он вызывал тревожные опасения А.С. Пушкина. Используя осложнившиеся отношения Польши с Россией, европейские страны, особенно Франция, подняли антирусскую кампанию в надежде разобщить западных и восточных славян. Пушкин понимал их намерения: они не забыли мощь России, проявленную при освобождении не только своей страны, но и Европы от войск Наполеона менее двадцати лет назад. Поэт ответил им стихотворением «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
...Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою.

(Продолжение на стр.2)

СОБЫТИЕ

БЕССМЕРТИЕ СУДЬБЫ

(Окончание. Начало на стр. 1)

...Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

...Исторические катаклизмы конца XX века, разразившиеся в славянских странах восточной Европы, снова выдвинули проблему славянства. Во втором десятилетии XXI века её обострил украинский кризис, и возобновилась антирусская политическая пропаганда. Иван Варавва застал только предвестники этой беды и своими поэтическими средствами пытался понять столь устойчивое недружеское отношение к славянским странам со стороны европейского мира. Он вглядывался в истоки появления славян, их веками сложившиеся обычаи, вслушивался в звуки их речи. На примере исторического пути славянских народов он хотел показать, что славяне всегда были сильны своим единством, остерегал от разобщения. Неслучайно в последней авторской книге «Пожары Отечества» он печатает сразу несколько стихотворений на эту тему. Он прослеживает древние корни славян, находит их следы «в памирском

краю, в долинах, где Ганг величавый волну освящает свою», и заключает размышления словами:

О, тайна нераскопанных времён,
О, пеплом запорошенные были!
(«Славяне мы»)

Подчёркивает органическое единство славянских языков:

...Различные пики вершин,
Но корень магической речи,
Идущий от предков, — один.
(«Славяне на Днепре»)

Говорит о мощи славян:

Что за гул мифический,
Что за гуд?...
Степью иллирической
Славяне идут.
(«Степью иллирической»)

Выражает уверенность в их силе:

...И никакому блудно не уйти
От их всеограждающей погони.
(«Славяне мы»)

Поэт верит в силу славянского духа, восхищается особенностями характера («восторженные славяне»). Любуется «великолепием рек и полей», верит, что славянам дарована свыше эта плодородная, прекрасная земля. В стихотворении «Наскальные сцены» утверждает:

Никакой нас не сковывал страх,
И на робость мы были не падки.

Вспоминает о древнем единстве славянских народов, которые:

...Сгрудясь родиною всею,
И тяжёлым дубём, и прашой
Гнали прочь лихоимца-Кошца!
(«Ограждая посадки»)

Варавва уверен, что «славянская песнь беспредельно быть рождена» («Песня Бояна»). В трудной нынешней мировой

ситуации поэт надеялся на Россию, на её прозорливость, и призывал:

О, Русь моя!
Попристальной гляди
В свои ветрам распахнутые дали.
(«В мерцании звёзд»)

И о себе тоже думал седой поэт, надеялся, что его не забудут, увидят, услышат «через века и горы бытия» («Маше»). Когда-то он писал:

Мне всё представлялось иначе:
Что буду я вечен, как бог!
(«Пусть юность моя отзвенела»)

Грустил: «И вечен мир вечнозелёный... Но я не вечен» («Уже пурга спит мне очи»).

Да, 10 лет — немалый срок, но поэта Ивана Варавву помнят, и главное — читают. Поэт — не философ, не историк, не социолог, он не дерзает указывать людям пути к совершенству. Но зато он тоньше, чутче переживает вместе со своими современниками отпущенную до срока жизнь, украшает её звучными стихами, которые много лет поёт Кубань. Он дарит светлую радость любви к своей земле и своему народу.

Значит, он — с нами.

Маргарита Солодка

ПОЭЗИЯ

Иван Варавва

НЕ ПЛАЧЬ, ПОЭТ

Не плачь, поэт, хоть как там трудно будет
Не надо слез, стенаний и утех,
Плаксивых дум не терпят злые люди,
И горюшко чужое — людям смех.

Нам веселее жить, когда вокруг смеются,
Зачем точить печали острие?
И через золото, бывает, слёзы льются, —
К чему же причитание твоё?..

Не плачь, поэт! Отринь толпы наветы,
Неси нужду в могильный закуток.
«Он, — скажут, — рифмою не докучал
соседу,

Ему хвала и лавровый венок!»

КОСАРИ

Вышли в поле косари
Ранним утром, до зари.
Ой нуте, косари, —
Вышли утром, до зари.

До обеда покосили,
Востры косы притупили,
Пообедав, задремали,
Свои косы подклепали!

Пополудни у дубравы
Своё сено погребали.

А вечерним холодком
Клали копенки рядком.

Любо дело надо знать —
Сено в скирды пометать.
Ой нуте, косари, —
Рано утром, до зари!

ЗЕМНАЯ ИСПОВЕДЬ

Блестит лампада у иконы
И золотятся образа:
Здесь все божественно-знакомо...
Свечи растаяла слеза.
Сюда нас в детстве мать водила
От грешных дум и блудных слов,
Вдыхать зефир паникадила
И слушать звон колоколов...
Здесь не остынет пламень Бога
В мирской безликой суете,
И у последнего чертога —
Мой крест на каменной плите!

ПОД РОПОТ НЕПОГОДЫ

Когда трескучий злой мороз
В моей душе навяжет кружев,
И небо, стылое до звёзд,
Обдаст поля колючей стужей,—
Я, пробудясь от дымных грёз,
Пока ещё не стало хуже,
Утру крапинки горьких слез
И крикну: «Боже!.. Ты мне нужен!»
Зажгу вечернюю свечу,
Осмыслив ратные походы

И, обратись лицом к лучу,
Восславлю прожитые годы.
Скажу: «Зачем?.. Куда я мчу —
Пророк униженный народа?..»
Чадит свеча, и я молчу,
Под ропот зимней непогоды.

КУКУШКА МАЯ

Притихли шумливые клёны
На вражьем, на том берегу,
И снова из чащи зелёной
Летит над окопом: «Ку-ку!..»

А солнце на гильзах играет
И «максим» выводит строку.
Зачем в этом огненном мае
Твоё мне, кукушка, «ку-ку!»?

Постой ты, упрямая птица,
И вёсен моих не считай.
Ещё не один возвратится
В походах потерянный май.

Ещё забурлит, забушует
И здесь, и на том берегу,
Где птица кукушка кукует
Нехитрую песню: «Ку-ку!»

КУБАНЬ

То ли явор у двери сарая,
То ли ветер сдвигает засов?..

Горемычница вольного края
Просит милости у образов.

Молит небо за ратника-сына:
От меча и от пули сберечь!
— Я сама тебя, сокол, растила,
Приторочила бурку оплечь.

Я коня вороного седлала,
Чтоб топтал он беду на скаку,
Саблю дедову, крепость кинжала
Положила в ножны казаку.

На краю медозвонного лета
Забурунилась в карчах река.
— Я дала тебе сердце из света,
Неумную плоть казака.

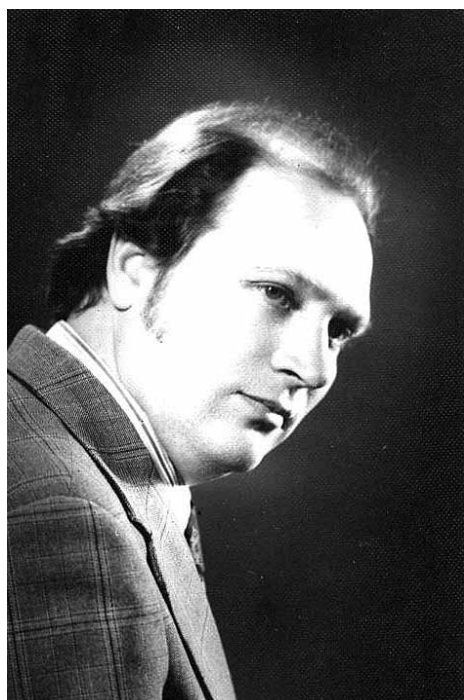
Славлю час зоревое рожденья
И друзей, и коханок твоих...
За оконницей, крашенной чермню,
Старый явор чуприной поник!

... То ли явор гудит, то ли ветер
Разбивает о двери засов?
Мать-печальница в блекнувшем свете
Просит милости у образов.

— Кто ты, женщина-лунность седая?
Болью душу свою не порань!
— Я станичница вольного края,
Я казацкая ваша Кубань!

Слово прощания

«НЕ МОГУ БЕЗ РОДИНЫ...»

Перестало биться сердце кубанского писателя Георгия Степановича Ефременко... Он ушел на 76-ом году жизни, оставив своим

читателям бесценное наследство: яркие и правдивые повести и романы о героических земляках-казаках, ценою крови отстоявших свободу родного края и великой Родины.

Георгий Степанович — коренной кубанец. Он родился в селе Красном Кушевского района, окончил историко-филологический факультет Ростовского университета. Первый свой рассказ, написанный в 1956 году, он послал Михаилу Александровичу Шолохову и получил ответное письмо, в котором великий писатель советовал молодому автору продолжить занятия литературой. Окрыленный тёплым напутствием, Г.С. Ефременков вдохновенно работает. Его романы «Только один шаг» и «От мира сего» получили высокую оценку Чингиза Айтматова, Бориса Леонова, Анатолия Знаменского и других выдающихся мастеров. Участвуя в VII Всесоюзном совещании молодых писателей Г.С. Ефременков попадает на семинар Василия Быкова и по его рекомендации в 1984 году становится членом Союза писателей СССР.

Жизнь и творчество Г.С. Ефременкова неотделимы от жизни Родины, станицы Кушевской, земляков, друзей, собратьев по перу. Он выполнял большую общественную работу: был членом бюро Краснодарской писательской организации, членом редколлегии альманаха «Кубань», депутатом и заместителем председателя Красносельского Совета, народным заседателем Кушевского народного суда...

На Кубани Георгия Степановича по праву называли летописцем Кушевского района. Именно здесь, изучая архивы, он собирал по крупицам сведения о боевом пути прославленного 4-го Гвардейского кубанского казачьего кавалерийского корпуса, знакомясь с ветеранами войны, находил героев для своих произведений. Его кропотливая краеведческая работа впоследствии стала основой для многих его произведений, издававшихся в Краснодаре, Рязани и Москве. В 2012 году администрацией Кушевского района издана книга Георгия Ефременкова «Помяни нас, Россия...», посвященная 70-летию

легендарной казачьей атаке под станицей Кушевской. В неё, помимо романа «Только один шаг», вошли дневники, письма, воспоминания, впечатления от поездок писателя по стране, а также богатейшие фотоматериалы о тех, кто прошел дорогами войны. Эта книга стала своеобразным завещанием кубанского писателя современникам и потомкам хранить вечную память о воинах, отдавших жизнь за наше счастье. Основной отличительной чертой творчества Г.С. Ефременкова является документальность. Его герои не придуманные — настоящие, а земля, за которую они сражались, — его родной дом...

С глубокой скорбью мы прощаемся с выдающимся прозаиком Кубани и невольно вспоминаем его слова: «Я не могу жить и писать, не общаясь с родной природой, не видя закат и рассвет, росу на траве».

Правление Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, писатели Кубани.

ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ

Люди старшего поколения с тревогой отмечают широкое распространение в постперестроечной России матерной лексики, а молодежь уже принимает её как данность. Дело дошло до того, что Президент России В.В. Путин, открывая Год Литературы, коснулся развернувшейся сегодня публичной дискуссии о законодательном запрете мата, в том числе и в кино.

Конечно, любые формальные запреты не обходятся без издержек, намного лучше, когда подобное регулируется совестью и моралью, но... Сейчас Госкино нет, однако «невидимая рука рынка» шустро шарит по нашим карманам и душам, выкладывая на прилавки и цепляя ценники на все самое святое. Глядя вокруг, каждый из нас уверен, что желающих обменять «индугу» на наличные в кассе будет предостаточно.

Безбожная коммунистическая эпоха оставила после себя пустыню в душах людей, хотя и сегодня многие не видят в этом основной причины геополитической катастрофы, пережитой страной в начале 90-х годов. Более того, наступившие времена все больше заставляют ностальгировать по многим элементам бывшего относительного порядка в общественной жизни. На мой взгляд, распространение матерной брани является явным признаком духовно-нравственной деградации нации, очередным тузиком, куда нас ведет укореившееся материалистическое мировоззрение. Только возврат к своим корням, к тысячелетней традиции православия позволяет увидеть те духовные скрепы, на которых стоит Русская Цивилизация.

Сегодня на фоне украинских событий страна с оторопью рассматривает сама себя в историческом зеркале после очередной попытки напаять западный серенький сюртучок – срамного покроя, духовно тесный, шитый гнилыми нитками шкурного интереса. И ради этой поддельной «дольче-габаны» мы вылезли из серых ватников, в которых строили «светлое будущее»? Правда, строили под Бдительными Очами, которые со временем (всего через поколение) замылились, в очередной раз подтвердив тщетность попыток построения самопального, основанного на принуждении, Царствия Божьего здесь и сейчас.

Однако, вернемся к проблеме мата, про который современный иван-дурак говорит, что мы на нем не ругаемся, мы на нем разговариваем. Ситуация явно перешла в качественно другую фазу – никогда раньше мне не доводилось слышать ругательные слова, так обильно вставленные в относительно спокойное обращение матери к малолетнему ребенку или в чирикание подростковых групп из мальчиков и девочек. Набрали популярность телеканалы «смело открывшие новые горизонты» в подмешивании непристойной лексики в любые сюжеты. Появилась плеяда хохмачей, захлебывающихся от собственной смелости публично ржать на генитальные темы. И все это под громкие аплодисменты и смех молодых людей в студии, занимающих сегодня место молодежной элиты, но, видимо, не отдающих себе отчет, что элита – это те, с кого берут пример. В этих условиях, боюсь, недостаточно винить поколение в моральной распушенности или раздавать подзатыльники. Попытки «лечить анализы» редко приводят к успеху, необходимо спокойно разобраться – что они заговаривают, кого зовут, а кого обкладывают.

Специалисты в области социальной психологии еще в прошлом веке раскрыли смысл использования запретной лексики как защитного механизма, который присутствует в языках всех народов и во все времена. Наши далекие предки практиковали использование этого особого арсенала при языческих ритуалах вызова «родовой силы» в разнообразных обрядах – инициациях соплеменников и призывах высших сил. Ее сакральный смысл так же, как и значение неприличного жеста, пощечины или плевка, состоит именно в возможности

использования в особых случаях, как правило, чрезвычайно редких. Сама редкость призвана обозначить край терпения, границы допустимого, после которого начинается непоправимая деструкция.

Чем выше табу, тем реже публичное применение и тем больше психоэмоциональный всплеск говорящего и слушающих. К. Н. Леонтьев, будучи консулом на Балканах, лишь однажды использовал хлыст для обозначения границ допустимого в высказываниях о России, а помнят уже 150 лет. Также во спасение кричат нецензурной бранью, поднимая замерзающих и отчаявшихся спутников или бойцов, охваченных страхом.

Человек же, начавший использовать матерные слова постоянно, первое время получает этот заряд, как бы подстегивая самого себя и пригибая окружающих. Нарушая правила и этикет, он заявляет о своей претензии на доминирование в данной ситуации или, по крайней мере, пытается заявить о своем исключительном состоянии. Возможно, вначале это и помогает ему справиться с ситуацией, однако регулярное ее использование резко обесценивает мощь «родовой силы». Такой человек становится похож на тусклый фонарик с севшей батареей, который больше сигнализирует о своей проблеме, чем светит.

О чем же сигнализирует обществу этот растущий слой духовно опустошенных людей, уже не находящихся в себе энергии вернуться к нормальной лексике? Почему растет этот слой, несмотря на относительное материальное изобилие и сравнительно полный набор гражданских свобод? Где эти «черные дыры», в которые явно утекает духовная энергия общества, оголяя все больше людей, вопиющих о неблагополучии?

Думается, что дело тут в тех самых духовных скрепах нашего общества, вокруг которых развернулись общественные дискуссии, особенно после недавнего использования этих понятий в речи нашего Президента. Надо понимать – куда нас тянут, расшатывая эти самые скрепы, еще важнее понимать – куда нам надо самим.

Современная социология, рассматривая набор традиционных ценностей, присущих конкретной общности (духовные скрепы), оперирует понятием социокультурных констант, позволяющих проводить измерения, а, стало быть, делать содержательные в научном плане выводы. Одна из этих констант носит название «дистанция власти» и характеризует присущее конкретному обществу распределение прав между различными уровнями общественной иерархии. Так вот, российское общество на протяжении всей своей истории упорно делегирует на верхние уровни государственной иерархии сравнительно большие права и полномочия, видя в этом залог своего благополучия и развития.

Можно, конечно, привести массу объективных доводов, объясняющих такой уровень централизации – тут и мобилизационная готовность, и эффект целевого распределения всех значимых ресурсов, но надо ли? Это будет просто рационализация некоего глубокого внутреннего убеждения, практически, каждого из нас, что это правильно, нормально, истинно. Для нашего обсуждения важно, что именно такая концентрация полномочий у первых лиц сдерживает деструктивные импульсы отдельных членов и стабилизирует общественное развитие. Энергия именно такой дистанции создает уверенность в силе общества, ощущение полноты жизни, ее благополучия, вплоть до желания продолжить род. Безусловно, эта высота определяет высокие общественные требования ко

всем желающим «примерить доспехи бога».

Именно своими духовными принципами сталкиваются цивилизации в попытке определить – свой или чужой, избегать или сливаться, сотрудничать или воевать. Сегодня мы видим, что именно в эту точку (сокращение дистанции власти) направляются манипуляции враждебных политехнологов, расточаются заокеанские похвалы нашим сегодняшним «западникам» или организуется дипломатическое плутовство «наших партнеров».

Наибольший размах деятельность по дискредитации российской власти приобрела на просторах Интернет. Там среди информационных свалок всякой дряни, бессовестной драчки за клик и подлого торжества маскультулы всюду развернулись ангажированные бесы, насылающие на нас тучи проплаченных негодяев в масках. Их главная цель – посеять сомнение в лидерах, обвинить в воровстве, уличить в прелюбодействе, перевернуть биографии, заподозрить в предательстве, в общем, извлекать в грязь. От чтения подобной грязи душа опустошается, падает активность, появляется желание спрятаться от всех, защититься иронией, цинизмом или призывом «родовой силы» – матом. Это, собственно, и есть расшатывание духовных скрепы – сокращение дистанции власти через обесценивание фигур лидеров.

Для православного человека не составляет особого труда разобраться в истинных намерениях изливающей хулу на власть и безотлагательно покинуть «собрания нечестивых». Господь оставил нам удивительные по силе, сочетающие глубокий такт и мужество эталоны взаимоотношений между теми, кого Он называет «братия моя». Тут и предписание не замалчивать противоречия, постепенно наливаясь злобой, и четкая последовательность шагов, повышающих публичность обсуждения проблемы, и бесконечная милость прощения раскаявшихся. Что же тогда говорить о том, с какой осторожностью следует подходить к обличению людей, занимающих высокое общественное положение? Разве публичное шельмование власти когда-либо в истории человечества приводило к общественному благу? Как раз наоборот! После первого этапа разрушения, обычно, наступал черед принуждения, еще более жесткого, но нового по форме. Власть, лидерство – суть функции, принадлежащие коллективу, их неоправданная деспотия может быть уменьшена только повышением уровня самодисциплины каждого его члена.

Теперь о коллективизме, высокий уровень которого в России также нашел свое подтверждение при количественных исследованиях корпоративных культур. Недавно увидел рекламный плакат одной уважаемой зарубежной фирмы, производящей спортивную одежду – огромная окровавленная змеиная пасть, плавно переходящая в кроссовки, и текст, призывающий следовать инстинкту. Со всех динамиков тебе твердят, что ты такой особенный, ты заслуживаешь райского наслаждения, ты можешь доказать свое превосходство и еще тысячи отравленных стрел в народ, для которого нравственным идеалом всегда было «жизнь отдать за други своя». Каково слушать этот ядовитый бред ребятам, прошедшим афган, а во что будут верить завтрашние бойцы? Они ведь выросли под бдительным оком «ящика», постоянно рассказывающего однобокую чернуху о нашей жизни, захлебывающегося слюной от очередного фальшивого деликатеса или писающего кипятком от блестящих цацок на руках молодых павианов.

Коллективизм питается личной аскезой, а разрушается культом жратвы и чувственных наслаждений. Еще несколько веков назад венецианские и хазарские купцы писали, что русы прямодушны и не любят кривых путей, они равнодушны к изысканным украшениям, а превыше всего ценят воинскую доблесть. И где теперь Хазария? А что за музейный реликт Венеция?

Совершенно очевидно, что коллективизм и высокий уровень дистанции власти не противостоят христианским императивам, более того, в расширенном контексте прямо им соответствуют. Тысячелетие назад Божьим промыслом наши предки соединили свой внутренний нравственный закон с византийской православной догматикой, получив мощнейший духовный источник силы, великодушия, милосердия и жертвенности. И сегодня массы наших сограждан молитвами и постами спасают свои души от информационной бесовщины, но как их недостаточно! В противном случае нам не приходилось бы затыкать уши от повсеместной матерной брани и закрывать глаза на плакаты, где даже строительный инструмент продается ряженными в костюмы распутниц.

Рациональная логика бессильна в своих попытках осмыслить вселенские тектонические социальные процессы, однако соединение разума и веры дает надежный компас для ориентировки в бесчисленном роде разрозненных фактов, противоречивых фраз и абсурдных поступков. Также как мать всем сердцем чувствует потребности своего дитя, так и православный патриот принимает к Божественному источнику истины, оставленному нам Господом, для того, что бы увидеть – где есть добро, а где есть зло для его Родины. В противном случае легко впасть в заблуждения, например, глядя на развитый потребительский рынок Европы и не видя в этом решающего значения периода «темного средневековья», сформировавшего человека, укротившего собственную гордыню. Укротившего ее до уровня, когда возникает доверие, когда другой становится ближним и на этой основе строится все современной здание общественного разделения труда.

Успех, правда, часто «сносит крышу» как отдельным людям, так и целым цивилизациям, неминуемо катящимся к своему закату через забвение Божьих заповедей, через отказ от личной аскезы, через неоправданную веру в собственную непогрешимость и, в конечном счете, через замену Любви к ближнему собственным шкурным интересом.

Наивному сознанию, сформированному в полной изоляции от своей истории и окружающего мира, лишенному метафизического взгляда на глобальные процессы, легко навязать причинно-следственную связь между товарным изобилием и правами «человека с деньгами», с непременными полуголыми тетками на эстраде и плакатами с целующимися мужиками. Православный человек сегодня должен ясно видеть трагический финал тысячелетней европейской мистерии, в которой погрязшее в грехе, разлагающееся тело пытается обложить себя молодой, полной энергии плотью в попытке продлить свое существование. Только религиозное осмысление истории, ищущее во всем Божий Промысел, позволяет отличать путь Истины от «эффективно-комфортной» дороги в Ад.

Александр Галкин,
кандидат экономических наук,
главный специалист Научно-методического и Миссионерского Центра
при Екатеринодарской и Кубанской
епархии.

«...НАУЧИТЬСЯ ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ»

В конце 2014 г. в Краснодаре подведены итоги Всекубанского читательского референдума «Человек года», проводимого газетой «Вольная Кубань». Победителем в номинации «Овация» стала одна из самых активных просветителей и общественников нашего края Нина Антоновна Стрижова, руководитель художественной галереи «Сантал», председатель общественного совета при краевой писательской организации. Уже два десятилетия двери уютного выставочного зала галереи открыты всегда и для всех, здесь нет входных билетов. Здесь рады художникам и писателям, и благодарным зрителям, почитателям талантов, и делающим первые шаги на пути к прекрасному школьникам и студентам. Как в наше рыночное время можно работать, опираясь на благотворительность и меценатство? Сохраняя традиции служения искусству? Помогая творцам в утверждении доброго, светлого, прекрасного?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, мы встретились с Ниной Антоновной в галерее «Сантал», где состоялся большой серьёзный разговор.

— Нина Антоновна, что значит для вас победа в конкурсе? Как вы восприняли известие о вашем признании читателями газеты «Вольная Кубань»?

— Конечно, это награда стала неожиданной и очень приятной. Отбор вёлся на основе откликов, полученных газетой от читателей. И вот тут я убедилась, как благодарна людская память! Потому что перечислялись практически все наши значимые проекты. И «Поколение победителей» — выставки художников-фронтовиков, наших дорогих ветеранов И.Я.Коновалова, Г.А.Булгакова, В.И.Сидорова, В.И.Бирюкова, А.Н.Шинкаренко. И выставка ста кубанских художников в Санкт-Петербургском Манеже. И проект «Хлеб всему голова». Учреждение премии для перспективных авторов в краевых художественных конкурсах «Биенале». Не были забыты выставки ведущих кубанских художников Василия Монастырного, Алексея Паршкова, Сергея Дудко, Анатолия Мельникова, Владимира Андрущенко, Михаила Архангельского, супругов Томилиных, Николая Райбаца, Юрия Пономаренко, Ирины Седовой из проекта «Профессия художник». И мемориальная комната актрисы Ирины Володки, а так случилось, что галерея располагается в доме, где жила Ирина Николаевна, поэтому я посчитала своим долгом собрать материалы, касающиеся жизни одной из легендарных актрис отечественного кинематографа. Большое число отзывов вызвали проекты «Моя Кубань» и «Люблю отчизну я...», последний посвящён 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Межрегиональные выставки «Мир Кавказу», «Поколение добровольцев», «Гимн труду» «Поэзия ночи», в них участвовали кубанские и адыгейские художники. «Позови меня тихая Родина» — это цикл выставок и юбилейных встреч, посвящённых Академической даче им. И.Репина и моя признательность Валдаю, земле, на которой я родилась. Упоминались наши издательские проекты — буклеты, журналы, книги, календари и даже фильмы. Честно говоря, мне самой трудно всё перечислить, ничего не упустить. И я хочу поблагодарить наших зрителей за их внимание и добрую память. Оценка моего труда — и есть самое дорогое в сегодняшней награде.

— Нина Антоновна, вы упомянули о проекте «Позови меня тихая Родина...». Вы родились на Валдае, в Вышнем Волочке, где природа создала пейзажи, будто для того, чтоб их писали лучшие художники России. Вы с детства почувствовали в себе художественные задатки?

— Ну, что вы! Об этом и речи не было в моём босом детстве. Я выросла в сельской глубинке, в крепкой крестьянской семье. Помню, отец любил повторять: «Работу нужно любить больше, чем за стол обеденный сесть». Поэтому свободного времени не было, и нет до сих пор. Я рада, что выросла трудолюбивой, так и не узнала, что же такое безработица. Из сорока двух лет моего трудового стажа большая часть отдана основной и любимой профессии инженера-строителя, а

точнее геодезиста: трест «Севкавтисиз», Архитектурно-планировочное управление Краснодара, с 1991 года — руководитель кампании «Сантал». Гладким этот путь не был. Но ведь лёгкую жизнь никто никогда не обещал, всё приходилось преодолевать самостоятельно. Отчаяние наступило только однажды, в 1992 году, когда один за другим закрывались заводы в Краснодаре. А мы только наладили работу по ремонту подкрановых и подъездных путей, совместили работу геодезистов и монтажников одновременно. Увы — пришлось закрывать этот вид деятельности. Для малого предприятия это не сложно... угнетало общее тяжёлое положение в стране. Тысячи высококвалифицированных специалистов оказались безработными. Я видела, как сильные здоровые мужчины стояли в полной растерянности. А ведь это были монтажники-высотники с большим профессиональным опытом, редкие специалисты, строившие ЛЭП по всему Советскому Союзу! Вот и осталось у меня с тех пор понимание, что перестройка — это когда ничего не строят, а всё только рушится. Конечно, с горы катиться легче... Но «если не видишь пропасти, то и пути не ищешь». А путь открылся самым неожиданным образом. Потеряв заказы на заводах, мы начали заниматься изготовлением металлических изделий (решётки, ворота, ограждения), и потребовались художественные эскизы. Это и было началом вхождения в мир художников. Тогда же, в 1992, появился цех по изготовлению рам, подрамников, без далёкой перспективы, но с большим желанием помочь художникам. И всё устроилось самым лучшим образом. Вернее, даже необычным, потому что общение с художниками помогло мне другими глазами взглянуть на свою жизнь. Часто вспоминаю беседу с искусствоведом И.Д.Май, человеком с большим жизненным и профессиональным опытом. «Так забавно, — призналась она как-то после очередного нашего разговора и огорошила вопросом: — неужели вы действительно думаете, что можете лично что-то изменить в стране? Напрасны беспокойства о происходящем. Это очередной виток в истории, так было уже много раз. Найдите своё место, делайте то, что любите и умеете делать. Если вам хорошо с художниками, то помогите им, а они помогут вам». И действительно, выстроились новые отношения, деловое партнёрство с деятелями культуры и искусства. И хотя инженерные изыскания оставались основной работой, параллельно развивалось багетное производство. Сотрудники быстро привыкали к изменениям, ведь на стенах нашего офиса появлялось всё больше картин кубанских художников, с которыми они теперь были лично знакомы. А наши партнёры в те глухие девяностые не переставали удивляться, видя, что в других фирмах и золочёные ручки на дверях, и прочие роскошные изыски, а в нашей строительной фирме «Сантал» — собственная художественная галерея! Те, кто разбирался в живописи, были в полном восторге.

Признаюсь, сейчас мне страшно думать, что я могла пойти другим путём и не узнать то прекрасное, что открылось сегодня.

— Нина Антоновна, а что в дне сегодняшнем? Какие тревоги?

— Их много. Главные — безопасность и безработица. Вспоминаю слова родителей: «Нет большего страха, чем когда человек будет бояться человека». В детстве это было непонятно, ведь часто бывая в лесу, мы боялись диких зверей, а любому встречному только радовались. А что сегодня? Дети живут в атмосфере агрессии. Разве уроки ОБЖ помогут? Конечно, в первую очередь государство призвано обеспечить охрану нравственного здоровья и благополучия общества. Но и с себя я такой ответственности не снимаю. Выставки, которые я организую, — мой взгляд на мир, моя гражданская позиция. Наши выставки — всегда встречи, диалоги, где задают вопросы и получают ответы. Аудитории самые разные: школьники, студенты, курсанты военных училищ, учителя, творческая и научная интеллигенция. Приглашаем искусствоведов, художников и писателей, ветеранов ВОВ. А ещё выставки — постоянный отчёт перед читателями, учителями и наставниками, которые научили твёрдо стоять на земле. Отвечать не только за себя, но и за других. Отец повторял: «Не жди помощи, сама научись помогать людям».

— Основная ваша аудитория — молодые люди. Вы легко находите с ними общий язык?

Мне посчастливилось в 2008 году быть делегатом XII Всемирного Русского Народного Собора в Москве. Это был Собор детей и молодёжи, семь тысяч делегатов из разных стран собрались, чтобы обсудить будущее России. Тема Собора так и звучала: «Будущие поколения — национальное достояние России». Тогда впервые я содрогнулась от статистики, от жёстких выступлений молодёжи, которые призывали к ответу тех, кто отнял у них героическую историю страны и ничего не дал взамен. «Наша гордость, общее достояние — победы дедов и прадедов, не позволивших фашистам сделать нас рабами. А сейчас нет даже единого учебника истории», — эти горячие слова юной девушки я запомнила навсегда. В 2008-м на Соборе выступали ребята, пострадавшие от политических экспериментов конца 80-х — 90-х годов. Их воспитывали на лжи, готовили общество потребления, с определённым набором развлечений, другого им не предлагалось. Но молодым людям, участникам Собора, это было чуждо.

Первое что я сделала по приезду в Краснодар — подготовила выставку Алексея Паршкова «С чего начинается Родина». Работа с молодыми для меня стала потребностью. Встречи с юными радуют. Мне нравится их любознательность, открытость, доброжелательность, готовность к диалогу. Безусловно, их нужно готовить к трудностям, умению ставить высокие цели и добиваться их. Они должны понимать, что каждое поколение само зарабатывает себе авторитет. Нельзя жить только заслугами старших.

В работе с молодыми мне помогает сотрудничество с писателями. Уже десять лет я возглавляю Общественный совет при краевой писательской организации. И убедилась, как действительно художественное слово, подкреплённое силой правды и любви к своей земле. Краснодарский писательский Союз немногочисленный,

всего пятьдесят человек на весь край, но проводится огромная работа. Писатели для меня — пример ответственности за происходящие процессы в стране, за главное достояние наше — русский язык. Об этом мало кто знает, но то, что в алфавите осталась буква «ё» — это настоящая победа писателей. Вместе с нашими кубанскими прозаиками и поэтами я постоянно выступаю на встречах в школах, учебных заведениях. И всегда это серьёзный разговор с молодым поколением. Я не случайно заговорила о литераторах, отвечая на ваш вопрос о молодёжи. Хочется подчеркнуть, что труд писателей обращён в будущее, как работа конструкторов космических аппаратов или разработчиков новых технологий. Поэтому нельзя требовать от них самопожертвования, и нельзя при этом приводить им в пример журналистов, работающих на потребу дня. Положение писательского Союза на уровне общественных организаций, на мой взгляд, наносит удар, прежде всего, по будущим поколениям, которым в результате достанется лишь плоское бульварное чтение, вместо глубокого и талантливой рассказа о нас с вами.

— Уже много лет вы отвечаете за свой коллектив, за трудовую семью. Что вы думаете о роли женщины, матери в современном обществе?

Я начну со строчек кубанского поэта Ивана Дудина, посвящённых русской женщине, потому что лучше и полнее сказать не смогу:

*Морщинка лёгкая у рта,
Во взгляде вера: всё осилю!
Национальная черта,
не раз спасавшая Россию.*

Юбилейный год 70-летия Победы мы открываем выставкой «Материнское сердце России». Лучшие произведения кубанских художников портретного жанра и тематические картины подготовлены к открытию. Тема глубокая: о жизни, о безграничной любви и жертвенности матери. Сегодня события на Украине с политическими провокациями — это вызов всем матерям. Только женщины-матери могут и должны остановить братоубийственную войну. Нельзя отдавать своих сыновей на гибель. Женщина, создавшая жизнь, за неё и в ответе. Моя мама, когда у неё спрашивали, что бы она хотела, всегда отвечала: «Мира во всём мире». Я тоже хочу только этого.

— Уважаемая Нина Антоновна, от имени редакции газеты «Кубанский писатель» и всех наших читателей я от всего сердца поздравляю вас со столь высоким признанием! Знаменательно, что это случилось в Год культуры, а вручение награды — в Год литературы и юбилей Победы! Спасибо за ваш труд, за ваше служение русскому искусству. Всего вам самого доброго! Мира и процветания вам, вашей семье. Нашему Отечеству.

— А я в свою очередь хочу пожелать читателям познакомиться на страницах вашей газеты с другими победителями Всекубанского референдума «Человек года». И пусть стремление идти вперёд, к новым победам и свершениям станет хорошим примером для нас всех.

Беседу записала
С.Н.Макарова.

ДЕТИ ЧИТАЮТ ЕВГЕНИЯ НОСОВА

«Этого какого же Носова читают дети? – могут спросить иные не-задачливые читатели. – Того, который про Незнайку сочинил?»

Нет, то Николай... А есть ещё писатель Евгений Иванович Носов, чьи произведения, хотя и в основном написаны для взрослых, но вполне доступны школьникам. Навсегда сохранил он в сердце детское ощущение воли и счастья, любви к своей земле, к рекам, окаймлённым «влажными, согретыми дневным теплом поемными лугами», к «гулким сосновым борам и говорливым осиновым перелескам»...

Южный край среднерусской возвышенности, воспетый гениальным автором «Слова о полку Игореве», некогда назывался «диким полем». Даже тот, кто ни разу не видел курскую степь, прочитав книги Евгения Носова, может отчётливо представить себе эту исконно русскую землю, политую потом и кровью наших соотечественников – поля до самого окоёма, редкие лиственные леса, спокойные реки – Дон, Цну, Сейм, Псёл, просёлочные дороги, по которым когда-то ушли на войну русские пахари – «усвятские шлемоносцы»... Словно наяву, расстилается перед нами широкое бескрайнее пространство, в равной мере пригодное и для ратной битвы, и для хлебопашеского ремесла...

«В пятидесяти километрах от Курска, в поэтических верховьях речки Тускарь, где некогда вдохновенно творил Фет, живёт мой приятель Евсейка». Так начинается рассказ «Радуга» – первый рассказ Евгения Носова, опубликованный в областном альманахе для детей в 1957 году. Сопоставление выдающегося русского поэта и десятилетнего сельского мальчишки поначалу воспринимается, как шутка. Но, прочитав рассказ, мы понимаем, что Носов неспроста вспомнил про Фета. Ведь Евсейка тоже в душе поэт. Пусть он не умеет выразить свои чувства словами, но обладает поэтическим восприятием мира.

«– Вы летом у нас не были? – спросил Евсейка, будто извиняясь за то, что его родные места выглядели сейчас так уныло. – Благодать у нас какая! Лес, речка... А ягод сколько в покос! К нам из Москвы отдыхать приезжают».

Мальчишке явно не хватает слов, чтобы объяснить, как на самом деле хороша его земля, и гость, убаюканный монотонным шелестом дождя, постепенно погружается в сон... И вдруг: «Дяденька! Смотри, какая радуга! Вон там, над речкой!»

В мальчишеском азарте Евсейка посылает свою «пегашку» в погоню за радугой. Кажется, вот-вот они её настигнут, но она незаметно ускользает... Радуга – равноправное действующее лицо рассказа. Кажется, что, дразня мальчика, она действительно играет с ним «в догонялки». Вроде бы неспешно идёт радуга по селу – а догнать себя не даёт! А где пройдёт – там пестреют разноцветьем белые хаты, «становясь на мгновение то нежно-голубыми, то изумрудными, то вспыхивали золотом, чтобы тотчас залиться багрянцем».

Носов показывает разницу в мировидении романтика-ребёнка и прагматика-взрослого. При всей симпатии к Евсейке, взрослый герой не способен так самозаб-

венно верить в чудо. Деловито пытается он объяснить мальчику физическую природу наблюдаемого ими явления, растолковать, почему радугу нельзя догнать даже на «реактивном самолёте». Но Евсейка не слушает его. Он глядит на жизнь по-своему. Он видит мир в образах, верит в сказку, его чувства острее, чище и богаче.

«–Послушай-ка, у вас тут по улице радуга не проходила?» – серьёзно спрашивает Евсейка повстречавшегося парнишку, «будто разыскивал пропавшую корову»...

Носов не ставил задачи воспитывать своих читателей «на поучительных примерах». Пройдя великое множество степных, лесных и рыбачьих троп «длиною в лето», он рисовал жизнь, неотделимую от природы, многоликую, порой драматичную, но всегда неповторимую и справедливую... «Природа сурова только с теми, – писал Носов в одной из новелл, – кто закрывает глаза на её простую, мудрую и целебную красоту. Но придите к ней доверчиво, как школьник приходит к учителю, и она раскроет перед вами удивительные страницы своих учебников».

Полистаете сборник «На рыбачьей тропе». Чему, например, учит рассказ «Хитрюга» о маленьком лесном жителе – еже? По просьбе сынишки, отец долго искал, а потом поймал колючую зверушку для школьного живого уголка, принёс домой... А хитрый ёжик спрятался так, что два дня его искали. Насилу нашли! Вроде бы заурядный случай из жизни охотника... Но в том-то и дело, что в прозе Носова не бывает ничего заурядного, ничего случайного...

Помните, где спрятался ёжик? Его искали под шкафом, под кухонным столом, даже заглядывали в печное поддувало. А он схоронился от людей в охотничьем рюкзаке, в том самом, в котором его принесли из леса. Почему же он выбрал именно это место? Герой рассказа, чтобы удобней было нести ежа, набил рюкзак осенними листьями. А потом лесной зверёк, бегая в панике по комнате среди неизвестных, непонятных, а потому страшных предметов, инстинктивно нашёл пристанище там, откуда «пахло родным лесом и его собственным запахом».

Есть хорошее русское слово – «живописец». Оно относится не только к художнику, работающему с холстом и красками, но и к писателю, очень точно определяя смысл его деятельности. Быть живописцем – значит писать жизнь, причём не с чужих слов, а самому дойти «до самой сути». Таков Евгений Носов... Ему чужда вторичность в литературе, он никогда не был переводчиком и пересказчиком чужих творческих исследований. Всё, о чём мы читаем в его книгах, будь то лирические миниатюры о рыбалке или полные драматизма истории о людях – всё пережито им самим, всё пропущено через его сердце. Этого не может не почувствовать читатель – и взрослый, и юный. Дети всегда тянутся к опытному, бывалым людям, и особенно любят знатоков живой природы – ведь первозданная, не тронутая цивилизацией природа в наши дни – большая редкость.

У Носова нет таких понятий как «травя», «деревья»... Каждую былинку, каждый листочек он назовёт читателю поимённо, да ещё и расскажет их историю.

«Алексей осторожно, чтобы не уколоть пальцы, взял подсечённую головку колючки: – А знаешь, почему её татаркой зовут? – Нет. А ты?»

– А я знаю. Это ещё когда татары на Русь нападали, они с собой колючки из далёких степей привезли. Вот их и стали называть татарками». («Ракитовый чай»).

Нет у Носова и абстрактных птиц или зверей. Все они наделены не только своей конкретной неповторимой внешностью, но и характером. Слепой спаниель Чанг из рассказа «Трудный хлеб» верно служит своему хозяину-охотнику. Чуткий нос заменяет ему глаза. Бывает, правда, что иногда он сбивается со следа и теряет добычу... «А не лучше ли вам завести другую собаку?» –

спрашивает охотника рассказчик. И слышит в ответ: «А эту куда?... Пристрелить? Сдать на воротник? Да я, батенька мой, двух зрячих не возьму. Как-никак пять лет вместе. Он свой хлеб честно зарабатывает. Трудный хлеб, но честный...»

Природа одухотворена в рассказах Носова. Деревья, растущие на источенных рекой берегах, «судорожно цеплялись за край обрыва, было видно, как их корни напряжены от усилий, как жадно они нащупывали каждый клочок земли, чтобы вцепиться в него и продержаться ещё хотя бы день». А репейник готов биться насмерть, не пуская никого в свои владения: «В человеческий рост, жёсткий, жилистый, весь в цепких шапках, слепившихся в большие лепёшки, он встретил нас, будто огромное войско, молчаливо и враждебно». («Репейное царство»).

Двух маленьких диких утят поймал и подарил автору мальчик Гриша из рассказа «Чир и чириха». Сидят птенцы в лукошке, нахохлившись, а герой рассказа мечтает о том, как увезёт их в город, приручит, устроит им «вальерку с водой»... Да не тут-то было! Всю ночь пытались утята вырваться на волю, опрокинули миску с водой, бились крыльями об оконное стекло. Утром их трудно было узнать: «Хвосты и грудки намокли, шейки зашершавили, из крыльев торчали вывернутые перья». Пришлось отпустить чирков... Вроде бы незамысловатая история. Но, сочувствуя маленьким чиркам, юный читатель учится не только состраданию к «братьям нашим меньшим», но и понимает, что родина и свобода – это главное.

«По природе я – романтик, – признавался Евгений Носов. – У меня были игры, которые сам придумывал. Было увлечение кораблями. Были Майн Рид, Жюль Верн. Была потребность души в высоких сферах, хотя детство было голодным и полураздетым». Став писателем, Евгений Носов нашёл «высокие сферы» жизни не в экзотике, а в обычной повседневности.

В повести «Моя Джомолунгма» герой Носова прикован к постели – его сломанная нога в гипсе. Вынужденная неподвижность невольно располагает к размышлениям... Он глядит в окно, чутко прислушивается к звукам и шорохам старого дома, стараясь по ним определить, что и где происходит.

Но юноша не одинок: у него есть старший друг – ветеран войны Иван Воскобойников, есть мама, есть любимая девушка, и ещё... У него есть его Джомолунгма! Она хорошо видна ему из окна. Конечно, это никакая не гора, а просто огромный, разросшийся старый тополь. Но это тоже его давний добрый друг и учитель. Он знакомился с ним постепенно, шаг за шагом, с детских лет, излазил все его ветки снизу доверху, знает каждый сухолок, каждое дупло. Тополь научил его любить высоту, быть любознательным, смелым, закалил его характер, показал ему красоту окружающего мира. Тополь, как и сосед дядя Ваня, – тоже инвалид войны. Вражеским снарядом сбит верхушка дерева, и множество осколков застряло в стволе... Но тополь выжил, дождался весны, и вот теперь мощные корни снова посылают к нему жизненные соки. Возможно, уже этой ночью набухшие почки «будут распахиваться с лёгким хлопком до самого восхода солнца».

Но ожидаемого чуда природы не произошло. Утром дворник Никифор спилил тополь «под самый корешок» на дрова. Для него это было «пустое дерево», никакого от него проку... Убийству дерева радуются те, кто живёт понятиями отжившего прошлого. А такие, как Иван Воскобойников или юный мечтатель – лирический герой повести, считают содеянное преступлением по отношению к дереву, которое вместе с людьми пострадало от войны, выжило, несмотря на тяжёлые раны, а теперь пало под пилой предателей.

«Кончилась Джомолунгма»... Вместе с ней окончилось и детство героя. Он будто сразу повзрослел, стал лучше разбираться в людях, в их характерах и отношениях.

Осторожно на костылях спускается он во двор, где стоит тополевы пень. Прикасается рукой к шершавому срезу, и вдруг чувствует его тепло. Это живое тепло. «Тополь не смирился со своей участью. Он снова будет искать дорогу к солнцу. Он его уже ищет. Его корень пенится от натуги, упорно нащупывает лазейку к свету».

Работал Евгений Носов, как отмечали некоторые его собраты по перу, «медленно и надсадно», но произведения получались такими, будто они были написаны единым вдохновенным порывом.

«Усвятские шлемоносцы» – повесть о начале Великой Отечественной войны. Носов не описывает военные действия: не рвутся снаряды, не идут в атаку солдаты. Он рассказал лишь о том, как собираются и уходят на войну новобранцы. Вот, казалось бы, и всё. А война – ещё впереди, где-то там, за страницами...

Радостно и спокойно работает Касьян, чувствуя себя счастливым человеком. Всё у него спорится, и всё есть для счастья – любимая земля, на которой трудились его предки, хорошая семья: двое славных мальчишек и жена Наташа, ждущая третьего сына, заботливая, работающая, желанная. И друзья-соседи рядом. Работают, не жалея себя, как работали до них отцы и деды. А после, «часу в двенадцатом, когда припекает невоготу», отдыхают и обедают вместе, выкладывая на общий стол всё, что у них припасено в узелках. Кажется, что никакая сила в мире не сможет нарушить вековых устоев маленькой деревушки, затерянной среди бескрайних российских просторов...

Но вот приходит беда, которая вмиг разрушает покой и счастье мирных усвятских крестьян. Война! Едва слышный, беспорядочный звон молотка по рельсу, словно набат, больно отзывается в сердце читателя. Мы знаем, через какие испытания предстоит им пройти. А герои Носова этого ещё не знают: «Да какая она будет, война, – большая или маленькая? Будут ли ещё мужиков забирать, ай нет? Нам бы хоч об этом узнать. А то думки изложут...»

Десять дней, прошедших с объявления войны, перевернули жизнь мирных пахарей. В Усвятах начинается мобилизация. Но не только как призыв военнообязанных на действительную службу... Главная мобилизация происходит в душах людей, осознавших страшную необходимость расстаться со всем, что казалось незыблемым и вечным, во имя высшей цели – защиты Родины от врага.

Где, по каким дорогам придется шагать воинам из деревни Усвяты четыре жестоких года войны? Кому суждено вернуться домой? Быть может, кто-то из них в мае победного 45-го будет тяжело, с отчаянной тоской по родному дому умирать в военном госпитале, как умирал солдат Копёшкин в рассказе «Красное вино Победы». Или, подобно молдаванину Михаилу, будет неловко пытаться поймать култыками рук букет сирени, брошенный девушкой в окно госпиталя? Мы не знаем...

Русское слово играет всеми своими гранями лишь тогда, когда оно выражает глубокую мысль и не разменивается на легкие веселые пустяки. Невольно возникает вопрос: а нужно ли детям рассказывать о трагических сторонах жизни? Безусловно. Если мы хотим подготовить их к будущей взрослой жизни, не нужно бояться рассказывать о её суровой правде. Так писали для детей выдающиеся мастера слова Лев Толстой, Максим Горький, Антон Чехов – просто и понятно, без мнимого милосердия, без скидок на возраст... Так писал для юных читателей и Евгений Иванович Носов.

Предложите детям почитать произведения этого тонкого, умного писателя, и они непременно ощутят красоту языка своего народа, поймут, что всё самое лучшее в русском человеке идёт от труда, от земли.

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

Вячеслав Динка

Ночь ли виновна...

Ночь, какой не бывает в наших местах. С шипением, визгом и свистом. Дачный посёлок на холмах съёжился, укутался в снега и стал невидимкой. Призрачное место обитания призрачных существ, пугающе чужих и бесчеловечных. Ночь, светящаяся и синяя, живая, завывающая, ворочающая сгустками метели, с вырывающимися из чёрных теней стремительными извивающимися вихрями. С сотрясаемых ветром деревьев, рассыпаясь веером, срываются комья снега и, гонимые выюгой, словно бесстрашные эскадрильи камикадзе, устремляются на бреющем полёте к окнам скромного моего непригодного к обороне домика. Врезаются в стёкла, приникают к ним, замирают на миг плоскими кривляющимися рожицами и медленно сползают вниз по стеклу, гримасничая. И исчезают в ночи, уступая место новым нечеловеческим физиономиям...

Да, это была ночь, каких не может быть. «Сегодня он точно не появится», — думал я с раздражением и облегчением. Эта мысль относилась к человеку, которого я невольно начинал ждать, когда сгущались сумерки. Которого я не хотел видеть и без которого не мог представить ни одного вечера. К которому я тянулся невольно и которого ненавидел...

Странный человек. Неприкаянный гений. Художник без картин со взглядом измученного Христа. Странное, возможно, мною же придуманное, молчаливое воплощение моей собственной совести. Не слишком опрятный, вечно небритый, худой, с неуверенной вихляющей походкой, с глазами, светящимися будто изнутри каким-то нездоровым огнём.

Мой странный человек... И теперь, как во всякий вечер, я смотрел в окно с раздражающим нетерпением, словно в синих извивах тьмы хотел увидеть неоспоримые доказательства того, что его сегодня не будет. Еле светлела, скорее, угадывалась узкая и извилистая дачная дорога, круто убегающая вниз, к шоссе. И там, где она сливалась с широкой полосой заснеженного асфальта, на столбе у автобусной остановки отчаянно раскачивалась на проводе невероятно бессмертная электрическая лампочка под ржавым жестяным отражателем. Единственный источник неверного, испуганного света во всей завывающей и извивающейся вселенной. Казалось, отсюда слышно жалобное повизгивание жести и стальной проволоки, поддерживающей лампочку.

«Да нет! Ну, сегодня точно не придёт», — я произносил про себя эти слова, как заклинание, испытывая и облегчение, и нарастающую тоску. Странная смесь...

Из ближайшей тени, заставив меня вздрогнуть, вышел, искрясь снежинками, вихрь. Закружился на одном месте, и почти тут же, прямо из снежного покрова, поднялись, словно вылезли из подземелья, ещё два его брата-вихря. Вся эта дикая троица, ускораясь, закружилась вокруг общей незримой оси в бесшабашном хороводе, и вдруг дружно бросилась на моё окно, прямо на меня. Холодные снежные рожи приникли к стеклу, устремили на меня взгляды пустых глазниц, и поползли вниз по стеклу, ухмыляясь насмешливо и ядовито...

«Да нет! — подумал я опять. — Хороший хозяин собаку не выгонит».

Днём мечталось — посижу вечером над черновиками, понаслаждаюсь работой над стихами в тишине и одиноком покое. Но с первыми признаками приближения темноты начиналось проклятое тревожное томление: придёт — не придёт... Да чёрт бы его побрал! Даже если он и не явится — само это ожидание изматывало так, что не было сил даже для самых любимых занятий. Оставалось достать из саквояжа коньяк, цедить его в одиночку и петь самому себе заунывные песни, от которых (ввиду полного отсутствия музыкального слуха у исполнителя) под досками пола мыши прекращали своё попискивание и начинали благоразумно перебираться в соседние домики.

Он пришёл. Конечно, пришёл! В несуровом, не по погоде, брезентовом плаще. Без шапки, с растрёпанными волосами, с отвратительно честным, суровым и внимательным взглядом обжигающих глаз.

— Коньячок посасываем... — сказал утвердительно.

— Здравствуйте, — сказал я подчёркнуто вежливо.

Он покивал молча. Уселся на стул, широко расставив ноги, не снимая плаща. Опустил голову, потёр лоб ладонью, задумался о чём-то — меня будто и не существовало...

— Чай, кофе? — спросил я.

— Нет. Не суется, — сказал он.

Так повелось издавна: я к нему на «вы», он — на «ты».

Он перестал тереть лоб, посмотрел долгим взглядом на меня, показалось — с сочувствием. «Сволочь», — подумал я.

Он, кажется, усмехнулся. Встал, подошёл к окну. Молча рассматривал выюгу. Во мне, как всегда, поднималось раздражение. Он был неподвижен, в волосах таял снег, с лохматого затылка капала вода.

— Затылок печёт... — сказал он.

Я опустил глаза. Подбородок у меня дрожал. Он чуть повернул голову, кивнул в сторону метели.

— Не посмотришь? — спросил.

— Насмотрелся, — сказал я, переводя дыхание. Голос был хриплым.

Он опять усталился в окно, спросил, не оборачиваясь:

— У тебя есть спирт?

— Нет, — сказал я. — Есть коньяк. Грузинский. Хороший. Будете?

— Нет! — он дёрнул плечом. — Не пью.

В голосе, кажется, слышалось презрение. Мне вдруг захотелось заслужить его внимание и уважение.

— Я никогда не видел ваших картин, — сказал я, пожалуй, излишне заискивающе. — Покажете как-нибудь?

Он только фыркнул и снова дёрнул плечом.

— Мне было бы интересно, даже очень... — начал я.

— Зачем? — спросил он.

— Ну... Каждому ведь хочется... Ну, чтобы его...

Опять фыркание и презрительное движение плеча. «Гад», — подумал я.

— Я много слышал... Хотелось бы... Ну, самое ваше... То, что вы считаете... У каждого что-нибудь своё, любимое...

Что за чёрт! Откуда у меня этот трусливый тон, это стремление заискивать, лебезить? Сволочь!

Он слушал, чуть повернув и наклонив голову, словно выставляя ухо. Повёл плечами, полукруглым жестом руки указал на окно.

— Вот. Посмотри... — словно указывал на полотно.

Ну, куда тебе! Ишь ты, Господь Бог. Творец, понимаешь... Сволочь.

Мы долго молчали, застыв неподвижно на своих местах. У меня от странного напряжения болела шея.

— У тебя есть сало? — спросил он.

Да что же это такое!

— Есть колбаса, салями. Хорошая. Как?

— Нет! — тот же рывок плеча, тот же мерзкий тон. — Не ем.

Опять долгое напряжённое молчание. «Пусть он уйдёт», — с мучительным напряжением думал я. Пахло смертью.

— Что есть красота?.. — сказал он неожиданно неуверенным, растерянным тоном. — Что есть Бог... Пойдём?

— Куда?! — мой тон был ещё более растерянным.

— Туда. Дышать, — рука указывала за окно тем же мерзким сочувственным взглядом и растворился за дверью.

— Да хороший хозяин собаку... — начал я и отчего-то осёкся.

— Собаку... — сказал он и задумался. — Ну да... Пойду.

— Да иди уже, иди! — почти закричал я, впервые обращаясь к нему на «ты». Или я промолчал?

Он обернулся перед дверью, облил меня тем же мерзким сочувственным взглядом и растворился за дверью.

Я ненавидел. Его, себя, мир — не знаю! Просто ненавидел, безотнотительно к чему-то конкретному. Меня неудержимо влекло, тянуло к окну. Я прижался к холодному стеклу горячим лбом, моё дыхание почти не оставляло следов на стекле. Или я не дышал...

Он шёл в развевающимся плаще нетвёрдой своей походкой вниз, туда, где, разбрасывая жёлтые пятна, стонала и повизгивала лампочка. Единственная, вечно умирающая и бессмертная звезда вселенной. А с обеих сторон рядом с ним, наклоняясь к его

волосам, словно нащёптывая что-то, шли два полупрозрачных вихляющихся вихря, и казалось — приобнимали его за плечи, уводя в неизведанное. Что-то знакомое и позабытое чудилось в этой дружной троице. И он в своём завихряющемся плаще тоже казался полупрозрачным на таком расстоянии. Я ещё долго стоял у окна, бессмысленно глядя в синеватую тьму после того, как растворилась в метели эта странная компания. Во мне стонала тоска, во мне ворочалась злость и лишённая смысла, необъяснимая зависть.

Странно, я помню своё бормотание, слова... Но совершенно не помню своих мыслей.

— Коньяк он не пьёт... Сволочь, — сказал я, охлаждая оконным стеклом раскалённый лоб.

Сделав над собой усилие, я оторвался от окна. Пошёл в угол комнаты, взял массивный древний табурет, принёс его на середину комнаты, под лампочку. Подумал и принёс початую бутылку коньяка, поставил на пол рядом с табуретом. Сел и тут же вскочил. Опять пошёл в угол, принёс большое цинковое ведро. Сел опять и долго, лишённый мыслей, упорно смотрел на это ведро. Стал судорожно колотить себя по карманам, пугаясь отсутствия спичек. Нашел, наконец. Дрожащими руками закурил, искоса посмотрел на окно, обменялся взглядами с очередными кривляющимися снежными метелями.

— Колбасу он не жрёт, урод... Салями...

Опять я встал, тяжело и неуклюже, чувствуя себя больным стариком. Взял одну из старых тетрадей на пыльной полке, вернулся на место, раскрыл наугад. Почти забытые слова на желтеющих листах, написанные неровным, но крепким ещё почерком:

...Была любовь, она владела нами, Она была для нас звездой во мгле. Была любовь! Да внешними дождями Вся растекалась по ветреной земле...

Господи, как это казалось когда-то хорошо! Как нравилось многим, да и мне самому, как казалось чисто и искренне написанным...

Я замер. Вдруг понял, кого мне напомнила эта растворяющаяся в метели троица — Азazelло и Кот Бегемот, сопровождающие Мастера в Непознанное Необъятное...

Я вырвал лист из тетради. А что — что здесь не так? Зачем?

Да всё не так! Ветреная земля... Да и нечему «растекаться»... Не было, не было любви. Так, чтобы — Любовь! Не владела. Не светила. Всё стало мёртвым, ещё не родившись. Родилось мёртвым. Ложь. Злодейство! «Гений и злодейство — две вещи несовместные...» Вот так — никого не убил, не ограбил, больших подлостей людям не делал. А вся жизнь — злодейство. Рождаёт мёртвых — злодейство. Непостижимо! Как же я раньше-то!..

Я поднялся, взял со стола новую, последнюю свою тетрадь.

...Мой друг, зачем грустить? Ведь это просто осень.

Не плачут облака, а только воду льют. Весна ещё придёт, мы хорошо попросим.

Все, кто умеют ждать, — обрящут, обретут...

Простые рекомендации. Простые ответы. Без вопросов. Злодейство! Господи, как же я раньше не понял, что во вселенной, в поэзии, всюду — вопросы тысячекратно важнее ответов! Вопросы есть мысль, сострадание, движение. Ответы — это конец. Умирание. Поиск ответов — не путь к смерти, это рождение новых вопросов, нового страдания, сострадания.

Я вырвал лист, дрожащими руками зажёл спичку, поджёг бумагу. Вот, оказывается, зачем я принёс ведро! Я рвал листы, поджигал их один от другого, опускал медленно плывущих по воздуху пылающих мертвецов в цинковую гробницу и плакал. Шмыгал носом, размазывал по лицу сажу, перемешанную с солёной влагой. Сопли и слёзки! Вот всё содержимое этих жалких тетрадок! В пламя! В пламя! В пламя!.. Кружились, медленно летали по комнате чёрные хлопья, тарасились и кривлялись на стёклах насмешливые, презрительные рожи, выла, стонала и хохотала Вселенная. Чувство освобождения — и отчаяние... Странная смесь... Эти две стихии перемешивались, клубились во мне, как облако. Уходящее во мглу трио маячило у меня перед мысленным взором. Я завидовал им, я плакал. Кажется, я был счастлив. Мне хотелось умереть...

И, может быть — я умер...

Виктор КИРЮШИН

Москва

Живое с уст не сходит слово...

Из новых стихов

Пишите от руки
Раскованно и вольно.
Пишите от реки,
От рощи белоствольной.
От первого лица
Пишите ночью мглыстой,
От первого скворца
На веточке безлистой.
В предутренней тиши,
Где свет мерцает влажно,
Пишите от души...
А прочее — неважно.

ВЕСЫ

Мы знаем, что ныне лежит на весах...
Анна Ахматова

Не играйте, мальчики, в солдаты:
Время пахнет порохом всерьёз.
Доведут вас эти аты-баты
До горючих материнских слёз.
Нет, она удерживать не станет,
Понимая: этим не спасти...
Скольким под родимыми крестами
Ковылём недремлющим расти!
Что слова?
Они порой кондовы-
Не утешат и не воскресят.
Вновь заплачут сироты и вдовы,
Хлынет дождь,
Леса загоlosят.
Ах, Россия, ветрено и сиром
В рощах золотых на небеси...
Пробил час
И снова судьбы мира
На твои положены весы.

ДОНБАСС

Срезана пулей рябины макушка.
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт
И кукует кукушка:
Дни или годы считает она?
Может, вот здесь у разбитой котельной
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся
И крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит.
Не упасёт от беды, как бывало
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка накуковала?
Что ж ты в сердцах напророчила мне?
Молча уходим леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым, нательным крестом?
* * *

Потемнели времён витражи,
Божий лик затмевает личина.
Вот уже от проницательной лжи
Правда сущая неотличима.
Ныне всякое лыко в строку...
Разве станут об истине печься,
Те, кому довелось на веку
Трижды клясться
И трижды отречься?

ВРЕМЕНА

Спор бесконечный обух ведут и плетё.
Тьма высылает в дозоры за ратью рать.
Можно смириться с этим
и бросить петь,
Чтобы стареть
и медленно умирать.
Не зарекайся от крови невинной, брат.
Как ни юродствуй, а всё-таки нам решать:
То ли дышать научиться,
где смог и смрад,
То ли уйти однажды
и не дышать.
Окна вокруг темны,
Закрома пусты,
Сыплется с неба последних времён зола.
А на полях вырастают одни кресты.
Много крестов...
Невесёлые, брат, дела.
Надо бы жить
И дрова поутру колоть,
Но безнадежно гнетёт и томит вина,
Словно уже разделились душа и плоть.
Словно уже...
Вот такие, брат, времена.

ПОЭЗИЯ

«ВСЕСЛАВИНЫ»

Литературное объединение, ст. Ма-
рьянская Красноармейского района

Людмила Руденко

Слышен стук каблучков точёных –
Эхо долго гоняет звуки,
Плен цепей, тобой золочённых,
Не почувствуют больше руки.
Так пустынно – хоть в бездну камнем,
Так свободно – хоть в небо птицей!
Но зачем же опять стихами
Я спешу к тебе возвратиться?

Темень глухая

Темень глухая,
Ветер вздыхает,
Шелест,
Бумага пол устилает.
Крик петуха,
Отголоски лая,
И карандаш по листу порхает.
Стон безголовый
Горло взрывает,
Кофе,
Потёки,
Рассвет пылает...

Мой край.

Край тополей и пашен,
Глянешь – пять вёрст в виду!
Лёгким дымком окрашен,
Зреет закат в саду.
Млеет в кустах малина,
Яблоки, как в Раю,
Словно герой былинный,
Вечер хранит уют.
Снова вернулось лето –
Бабье стократ милей:
В волнах тепла и света,
С запахом тополей.

Николай Персань

Вместе

Река бурлит, ревёт и пенится
И грозно рвётся, будто в бой.
Душа болит, поёт и верится,
Что будем вместе мы с тобой

На вершине горы

На вершине горы
Снег не тронут и светел.
До вечерней поры
Опираюсь на ветер.

На отвесной стене
Ни ступеней, ни крыши...
Помолюсь в тишине –
Вдруг Всевышний услышит.

Ольга Денисенко

Встреча

Скажи, мой друг, ведь эта встреча
Нам просто послана судьбой.
Я помню тихий майский вечер,
И чай, заваренный тобой.

Беседка, море, тёплый ветер,
Букет сирени на окне.
Весны дыханье в лунном свете,
И рядом тот, кто дорог мне.

И не беда, что к этой встрече,
Мы шли извилистой тропой.
Я помню тихий майский вечер,
И чай, заваренный тобой.

Зимняя зарисовка

Что-то не спится, смотрю на фонарь
Вьюгой кружит уходящий январь.

Инея шаль серебрится на ветке,
Зимней дорогой уносится ветер.

Снежные рифмы, снежные строки,
Свет фонаря на стекле одинокий.

Зимних просторов безбрежная даль.
Вьюга кружит, наступает февраль.

Песня ночи

Не пускай тревогу в душу,
Отгони печали прочь.
Выйди в поле и послушай,
Как поёт весною ночь.

Ветер травами играет,
Воздух, что живой родник!
Соловей не умолкает,
Голосистый озорник.

Звезды кружат в хороводе
Красоту небес вобрав.
Сколько нежности в природе,
Ночь, раздолье, шелест трав.

Лариса Слинкина

Сказочный сон

Повторяется снова и снова
Этот сон, этот сказочный сон.
Я с тобой на край света готова,
Ты в меня, как мальчишка влюблён!

Лёгкость, нежность, предчувствие рая,
Скрип калитки и сердца стук.
Я бегу по дорожке босая
И бросаюсь в тепло твоих рук...

Нет давно уже старой калитки,
Новый дом горделиво глядит,
Где когда-то цвели маргаритки,
Под навесом машина стоит.

Всё в порядке, и всё же... И всё же –
Отпустить этот сон не могу,
Где к тому, кто мне всех дороже,
Я по тёплой дорожке бегу.

Подари мне этот вечер

Подари мне этот вечер,
Грустью сотканный закат,
К месту нашей первой встречи
Стелет тропку листопад.
Я в глазах твоих, любимый,
Без остатка растворюсь,
Звонкой песней журавлиной
В сердце сладко отзовусь.
Что ж так часто и так горько
Снится солнечная даль,
Куст калины на пригорке,
Ветра шёлковая шаль.
Ах, как хочется побольше
Золотых беспечных дней,
Стайки птиц над тихой рощей,
Горстки нежности твоей!

Майский день

Шумит, шумит весенний лес
И машет гривою зелёной,
От буйных трав и до небес
Гуляет ветер – удивлённый,
Целует белую сирень,
Разносит пряный запах мяты...
И бродит пьяный майский день
По тёплым лужам до заката.

Воробей

По дороге мчится лихо
Мотоцикл с коляской,
На Серёге новый свитер
И стальная каска.
И орёт Серёга песни –
С песней веселей!..
Вдруг из леса вылетает
Шустрый воробей...

Что-то он не рассчитал,
Врезался с размаху,
Тихо пискнул и упал –
Очень жалко птаху.
Взял Серёга воробья,
Завернул в платочек,
И домой его отвёз...
Дело было ночью...

Дома в клетку положил
Раненую птицу,
Малость хлеба крошил,
И налил водицы.

А на утро в шесть часов
Воробей очнулся,
Повернулся, сделал взмах,

Встал и оглянулся:
«Так... вода, решётка, хлеб...
На душе тревога!
Ну, всё ясно: я в тюрьме.
Блин, убил Серёгу!»

Владимир Гордиенко

Трава-трава

Трава... Трава, мне ложе стелет
Из юной свежести и льна.
О, как она завлечь умеет!
О, как со мной она нежна!

Легко печаль-тоску излечит:
«Лежи, смотри на облака».
Сама тихонько мне на плечи
Посадит доброго жука...

Я улыбнусь невинной шутке,
Да так с улыбкой и усну.
И каждой клеткой кожи чуткой
Покой впитаю и... весну.

Ромашковая сказка

До чего же интересно
Жить кошачьей детворе:
И в коробке им не тесно,
И вольготно во дворе.

То запрячутся в ромашках,
То взберутся на лозу,
А ещё они бесстрашно
Прочь прогнали...стрекозу!

Неизвестная зверушка
Залетела к нам во двор,
Так трещала «погремушка»,
Что в ушах звенит с тех пор!

А котят – боком, боком –
Спинки выгнули дугой,
И с шипением, с подскоком
Ей серьёзный дали бой!

Испугалась «лупоглазка»
Улетела со двора,
Где ромашковая сказка
И кошачья детвора.

Ночная метель

Всю ночь гудело, билось в дверь –
Как будто дикий зверь ярился!
Под утро стихло, и теперь
На небе месяц воцарился.

Застыла в доме тишина
И стало слышно все на свете:
Сугроб, вздохнувший у окна,
И под стрехой затихший ветер.

Людмила Евтушенко

* * *

Ты оставил в саду орхидею
На холодной скамейке резной.
Слёзы чистого снега над нею
Превратились в хрусталь ледяной.
Под напевы метели январской
К стеблям сонно прижались листья.
Лепестки умирали по-царски,
Не теряя своей красоты,
Под порывами ветра звеня...
На скамье ты оставил меня.

* * *

Тишина заполнила мгновенно
Два бокала тонких на столе,
Поползла по шторам и по стенам,
Отразилась в матовом стекле.
Огляделась радостно и смело:
Всё застыло на её пути.
Я впервые в жизни не сумела
Слов для оправдания найти.
Поняла, что пререкаться глупо,
Исчерпав терпение до дна...
О любви вчера шептали губы,
А сегодня боль... И тишина...

Светлана Баклагова

Чужие мелькают лица...
И я в этом мире чужая.
Надо б на землю спуститься,
Но как это сделать, не знаю.

И небо уносит снова,
Словно воздушный шар,
И нет притяженья земного...
Это проклятье. И...Дар!

Прольюсь дождём на праведных и грешных,
Рассыплюсь миллионом брызг и луж.
И отражусь пронзительно и нежно
В немых глазах невыплаканных душ...
И буду плыть в потоке дня и света,
Пронзая лица, руки и сердца...
Мне быть дано вопросом и ответом
В невысказанном замысле Творца.

Игорь Васильев

Дней осенних череда...

Дней осенних череда,
словно поезд, вдаль уходит.
Ничего не происходит,
только плещется вода.

Только, мокрый от дождя
греется в подъездах вечер,
ищет что-то в лужах ветер,
ничего не находя.

И как память о тепле,
той, давно забытой встречи,
догорают тихо свечи
на неубранном столе.

Холода идут...
Холода идут, холода...
Небо хмурится снежной мглой.
На деревья и провода
налипает иней седой.

Без печалей и без тревог
по брусчатке ломкого льда,
по дорогам и без дорог
холода идут, холода.

Вот уж в окна стучится беда
и уносит тепло твоих рук –
холода, пришли холода
неприкаянностью разлук.

Хорошо

Хорошо сидеть и слушать,
как поёт в печурке ветер,
как танцует дождь на крыше,
оступаясь и скользя.
И картошку не докусав,
подсмотреть, как странный вечер
погулять на крышу вышел,
спрятав зонтик
от дождя.

Светлана Баклагова

* * *

Чужие мелькают лица...
И я в этом мире чужая.
Надо б на землю спуститься,
Но как это сделать, не знаю.

И небо уносит снова,
Словно воздушный шар,
И нет притяженья земного...
Это проклятье. И...Дар!

* * *

Прольюсь дождём
на праведных и грешных,
Рассыплюсь миллионом брызг и луж.
И отражусь пронзительно и нежно
В немых глазах невыплаканных душ...
И буду плыть в потоке дня и света,
Пронзая лица, руки и сердца...
Мне быть дано вопросом и ответом
В невысказанном замысле Творца.

* * *

Осторожно губами согрею
Сквозь окно кружевной мороз.
Станет в мире чуть-чуть теплее
От моих не рождённых слёз.
И зима мне накинёт на плечи,
Как бесценный и хрупкий дар,
Этот тихий заснеженный вечер
И холодной зимы пожар.

КУБАНЬ ПОЭТИЧЕСКАЯ

Фёдор Щусь Славянск-на-Кубани

ВЫСОТА

Есть у каждого час, есть звезда, есть мгновение,

А у нас впереди – высота, высота, высота.

Только годы летят, и меняет земля поколения,

Остаётся мечта – высота, высота, высота.

Высота, высота – перевалы, хребты и туманы,

Высота, высота – вечный зов неприступных вершин.

Так по жизни идёт – впереди – ослепляя снегами,

Высота, на которую ты никогда не ходил.

Кто ходил, кто бывал, кто постиг высоту под ногами,

Кто прошёл не один перевал, перевал, перевал.

В своём сердце унёс и снега, и дожди, и туманы

И красоты вершин, на которых когда-то бывал.

Есть у каждого час, есть звезда, есть мгновение,

А у нас впереди – высота, высота, высота,

Только годы летят, только годы уходят в забвение

Остаётся мечта – высота, высота, высота.

ГОРЫ ЗОВУТ

Горная даль дымится,
Снова зовёт в поход.
Нам уж с тобой за 30,
Время, время не ждёт.
Далёкая высь голубая,
Горных вершин громадьё.
Это стихия земная,
Суровое счастье моё.
Нет непокорной вершины
Нет неприступной скалы.

В горы уходят мужчины,
Волей и духом сильные.
Знаю романтике мало
Места в моём рюкзаке.
Можно мечтать на привале
Или на высоте.
Грозных снегов лавины,
Горных обвалов раскат,
Гибнут, бывает, мужчины –
Скалы как память стоят.
Жизнь – мгновенье столетий –
Мир обретает весь.
Час свой последний встретить
Мы пожелаем здесь.

АДЛЕРСКИЙ ГИМН

Волны плещут о берег, догорает костёр.
Много песен мы спели о величии гор.
Много песен мы спели о чудесных хребтах,
Где на скалах сумели победить первый страх
Волны плещут и тают, устают от труда,
Завтра мы улетаем, только не навсегда.
Завтра мы улетаем, но вернёмся опять.
Улетая, мечтаем на вершине стоять.

На вершине, где ветры рвут штормовку с тебя.
На вершине, где метры – жизнь твоя и моя.
На вершине, где грифы предо мною парят.
Облака, словно рифы, подо мною лежат.

Волны плещут и тают, устают от труда.
Завтра мы улетаем, только не навсегда.
Завтра мы улетаем, но вернёмся опять.
Улетая, мечтаем – на вершине стоять.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Ещё не тронута рассветом,
Скал величавых тишина.
Туманным саваном одета
Ночная горная страна.
И ярких звёзд столпотворенье,
И млечный путь у “Чугуша”,
И спутник, гордость поколений,

Плывёт по звёздам не спеша.
Ледник Псеашхо перед нами,
Отбросив в бездну свой язык,
Застыл меж скал в крутом оскале,
Открыв нам свой ущербный лик.
И скалы в звёздной карусели,
Как стражи горной тишины,
Глазами снежников смотрели
Свои таинственные сны.

ОБРАЩЕНИЕ

Дорогие друзья! Нас осталось так мало.
Прошагали по жизни мы, дружбу храня.
В этой жизни и счастья и горя хватало.
Мы их вместе делили, судьбу не кляня.
И теряя друзей, мы себя не теряли.
Мы теряли друзей – и за это не судим
судьбу,
Потому, что они, они здесь, они рядом,
Наша совесть и честь, они с нами по жизни идут.
Дорогие друзья – нам осталось так мало,
так мало...
Знаю, будем мы вместе идти до конца.
Потому что для нас – впереди – постоянно сияла
В ярких солнца лучах и в снегах
Высота! Высота! Высота!

ДОЧЕРИ

Подарю я тебе миллионы цветов,
Цепи гор подарю и вершины.
И приют на ветру – среди вечных снегов,
Где грохочут в ущельях лавины.
Подарю тебе сказку альпийских лугов,
Чистый воздух и звёздное небо
Напою допьяна ледниковой водой,
Все дарю – где я был и где не был.

Галина Раганян Сочи

ПИШУ СТИХИ...

А море беспокойное бурлит,
И пенится волна, вздымаясь круто.

Пишу стихи, как сердце мне велит,
Не для того, чтоб угодить кому-то.

Пишу, когда в тиши душа грустит,
Когда природой-матушкой пленится,
Когда, как чайка, чувствами парит
И радостью готова поделиться.

ДОБРОТА

Теряя цену, доброта
Стучит, стучит во все врата;
Увы! – никто не открывает,
Приюта, бедная, не знает.

Тоски и горечи полна,
Идёт-бредёт совсем одна.
Куда идёт, сама не знает,
И силу прежнюю теряет.

ЗОЛОТАЯ КОРОНА ЗАКАТА

Многолетнее дерева крона,
Тень бросая, глядит на меня.
Золотого заката корона –
Добрый знак уходящего дня.

Суеты надоедливой звуку
Затихают, и в этой тиши
Отдыхают уставшие руки.
Наступает пора для души.

ЭМИГРАНТЫ

Должно насколько людям лучше жить
В другой стране, далёкой и чужой,
Чтоб, всё покинув, с той страной проститься,
Что стала от рождения родной?

Таких я много знаю, кто уехал...
Но, расставаясь, мы всегда грустим.
Им за граница явно не помеха,
Чтобы рвануть к друзьям, к местам своим.

Приедут в гости и опять простятся,
Лишь душу отведут и вновь туда...
Как можно к той земле не возвращаться,
Где молодость осталась навсегда?

ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

В целях сохранения и увековечения памяти о проявленном в годы Великой Отечественной войны мужестве и героизме кубанцев, развития у современных авторов и читателей интереса к истории и литературе о Великой Отечественной войне Министерство культуры Краснодарского края и Краснодарское региональное отделение Союза писателей России объявляет о проведении **краевого литературного фестиваля-конкурса «Венок Победы»**, посвящённого 70-летию Великой Победы.

В конкурсе могут принимать участие только ныне живущие авторы, проживающие на территории Краснодарского края, независимо от возраста и гражданства, профессиональной подготовки, известности, членства в творческих союзах, пишущие на русском языке.

Оргкомитет принимает к рассмотрению произведения, чётко отвечающие номинациям Конкурса, посвящённые теме Великой Отечественной войны, исторической судьбы России и россиян, а

также жизни и творчеству кубанских писателей фронтовиков.

Возможно участие одного автора в разных номинациях.

Работы принимаются до 10 октября 2015 в следующих номинациях и возрастных категориях: «Большая проза» – романы, повести, сборники рассказов.

«Малая проза» – очерки, рассказы, новеллы.

«Большая поэзия» – поэмы, сборники стихов.

«Малая поэзия» – подборка стихотворений.

«Публицистика» – сборники статей, публицистические произведения.

«Литература для детей и юношества» – романы, повести, сборники рассказов и стихов, отдельные подборки стихов и рассказы, ориентированные для юного читателя.

«Дебют» – произведения авторов, возраст которых не превышает 18 лет

«Авторская песня»

Темы конкурсных работ:

«Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют»

«За други своя»

«У войны не женское лицо»

«Едут-едут по Берлину наши казаки»

«Маршалы Победы»

«Я согласен на медаль»

«Орлёнок»

«Освободители Европы»

«Жди меня и я вернусь»

«Наследники Победы»

«Славься Отечество наше свободное»

«Синий платочек»

Основные требования к конкурсной работе:

– тематика представленной работы должна соответствовать целям и идее фестиваля;

Возрастные категории:

с 10 до 17 лет

с 18 до 35 лет

с 35 до 60 лет

с 60 лет

Подборки стихов, представленных на конкурс не должны превышать 300 строк. Рассказ, новелла, статья не должны превышать 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами).

Победители фестиваля-конкурса будут отмечены дипломами и призами. Произведения победителей представлены в литературных изданиях и на страницах нашей газеты.

СЕМИНАР НАЧИНАЮЩИХ ЛИТЕРАТОРОВ КУБАНИ!

Краснодарское отделение Союза писателей России при поддержке Министерства культуры Краснодарского края в 2015 году проводит семинар начинающих литераторов.

Цели и задачи семинара: оказание помощи в овладении профессиональными приёмами и навыками литературного работника начинающим авторам; развитие творческого потенциала молодежи; формирование у молодого поколения бережного отношения к русскому языку; ориентация творчества молодых литераторов на утверждение традиционных ценностей, патриотизма, гражданственности, гуманизма; создание произведений посвящённых Кубани, ее истории и жизни земляков, а также произведений, воспевающих подвиг защитников Отечества.

Оргкомитет до 1 сентября 2015 года принимает к рассмотрению для отбора участников семинара стихи, рассказы, повести, очерки,

статьи, произведения для детей. Подборки стихов, представленных на конкурс не должны превышать 300 строк, рассказ, повесть, очерк, статья – не более 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами).

Произведения на фестиваль-конкурс «Венок Победы» и семинар начинающих литераторов простим присылать по адресу 350061 г.Краснодар, ул. Парусная, 20/3, Краснодарское отделение Союза писателей России с пометками «Венок Победы» и «Семинар» ил на электронный адрес snmakarova@mail.ru. Работы принимаются как в изданном, так и в электронном виде в формате документа Word, шрифт Time New Roman, размер шрифта 12.

К работе прилагается заявка, где указывается:

– имя автора (псевдоним);

– название произведения и жанр;

– возраст автора, электронный адрес, контактный телефон.

Соискатель гарантирует, что является автором произведения и не нарушает авторское право.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

П/И № ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Прокопенко

Корректор: Ю.Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

<http://sites.google.com/site/sprosia>

и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

18.02.2015 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная